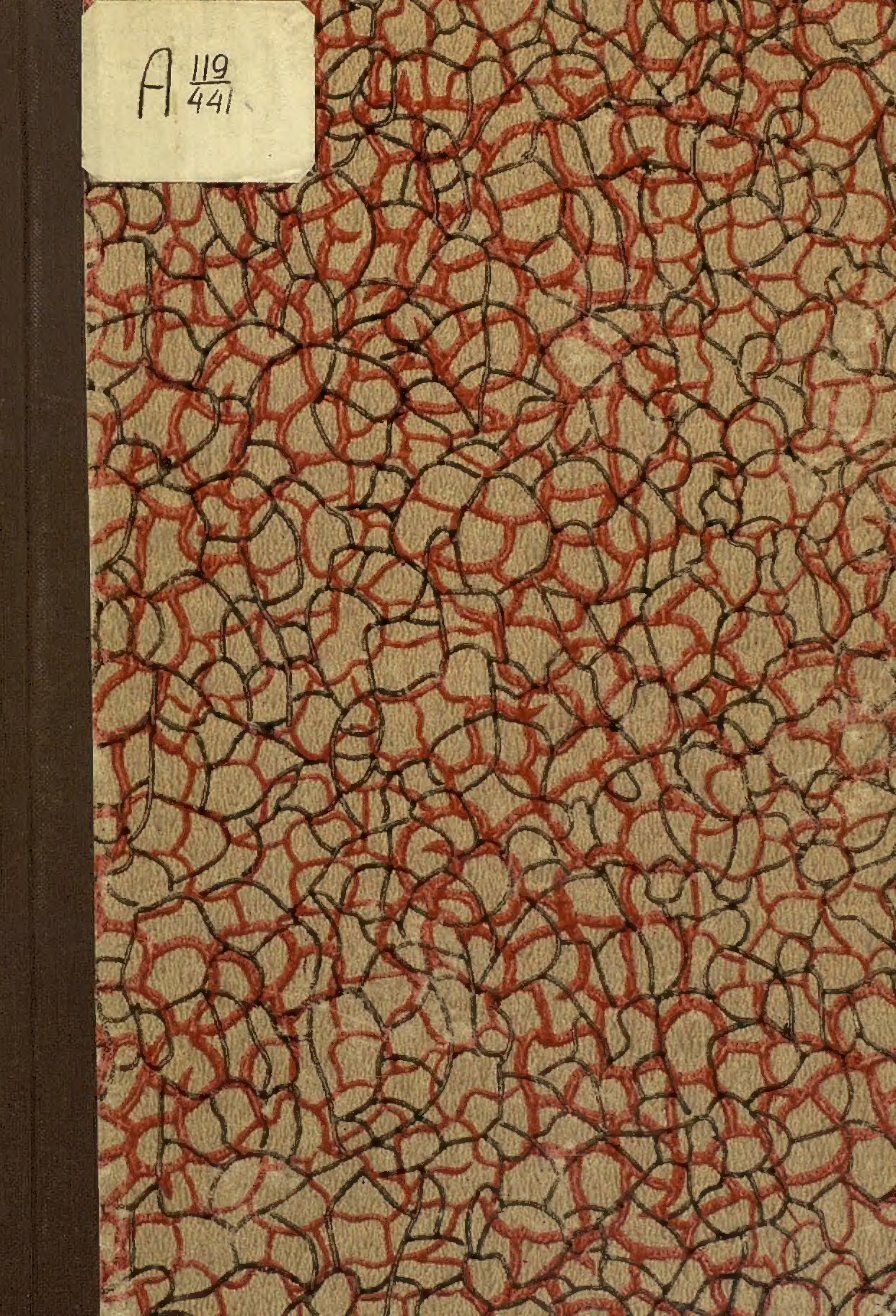

A 119/441

О ЗНАЧЕНІИ

НАУКИ ДЛЯ ОБРАЗОВАНІЯ ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦЪ

ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ УПРАВЛЕНІИ [1].

В. П. БЕЗОБРАЗОВА

дѣйствительнаго члена Императорской Академіи Наукъ.

Можетъ показаться весьма страннымъ, чтобъ въ послѣдней четверти XIX вѣка, — въ концѣ столѣтія столь гордаго и самоувѣреннаго въ своихъ успѣхахъ на путяхъ всемірной цивилизаціи, — нужно было доказывать такую пошлую истину, какъ пользу наукъ и научнаго образованія. Однако намъ суждено, и въ Россіи и во всей Европѣ, жить посреди такихъ потрясающихъ внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ событій, посреди такой взволнованной исторической эпохи, что самыя простыя и несомнѣнныя истины подвергаются сомнѣнію и вопросу. Смута понятій, надвинувшаяся съ разныхъ сторонъ на европейское человѣчество, передъ зарею XX вѣка, какъ будто

---

[1]) Настоящая статья была прочтена въ формѣ рѣчи на актѣ Императорскаго Александровскаго (бывшаго Царскосельскаго) лицея, происходившемъ 21 декабря 1878 г., по случаю выпуска воспитанниковъ 36 курса на дѣйствительную государственную службу. Авторъ былъ профессоромъ въ Лицеѣ въ теченіи 10 лѣтъ до 1 января 1879 г. и самъ воспитывался въ немъ. Форма рѣчи осталась въ статьѣ почти безъ всякой перемѣны.

угрожаетъ омраченіемъ сознанія даже такихъ общечеловѣческихъ истинъ, на счетъ которыхъ не было тѣни недоумѣній уже въ юношеской средѣ учениковъ первыхъ государственныхъ ученыхъ, Платона и Аристотеля, — почти два съ половиною тысячелѣтія тому назадъ.

Двѣ истребительныя стихіи политическаго міра, — революція и война, — разыгрались съ чрезвычайною, никогда неслыханною прежде яростью къ концу нашего вѣка, къ посрамленію его просвѣщенія. Обѣ стихіи проявляются нынѣ совсѣмъ въ новой, свойственной только нашему вѣку формѣ своего дѣйствія, — въ формѣ такъ сказать скрытаго дѣйствія, — съ одной стороны въ видѣ всемірной потаенной или подпольной революціонной организаціи, съ другой стороны, въ видѣ общеевропейской организаціи военныхъ силъ, именуемой вооруженнымъ миромъ.

Могущественное противудѣйствіе и давленіе другихъ элементовъ политической жизни, — охранительныхъ элементовъ государственнаго порядка и международнаго мира, —какъ бы вынуждаютъ разрушительныя революціонныя и завоевательныя страсти нашего вѣка уходить между своими взрывами въ эти новыя формы своего *скрытаго состоянія* (état latent). Тѣмъ не менѣе это скрытое и потому сгущенное состояніе обѣихъ стихій нисколько не уменьшаетъ, а скорѣе только усиливаетъ истребительность ихъ дѣйствія. Какъ бы ни были продолжительны эти періоды внутренняго и внѣшняго затишья, эти мирные антръакты, — весь образованный европейскій міръ живетъ какъ бы со дня на день въ ожиданіи то злодѣйскихъ покушеній, извергаемыхъ на свѣтъ Божій изъ темныхъ подполій, въ которыхъ живутъ враги всякаго общественнаго порядка, то въ ожиданіи новыхъ международныхъ столкновеній. Лучшія государственныя и народныя силы, накопленныя вѣками исторіи, непроизводительно истрачиваются на борьбу съ этими разрушительными стихіями революціи и войны, на поддержаніе этого *внутренняго и внѣшняго вооруженнаго мира*. Вся многовѣковая работа правительствъ и народовъ къ улучшенію вещественнаго и нравственнаго благосостоянія людей должна остановиться посреди этой колоссальной траты силъ на содержаніе всей этой внутренней и международной полиціи государствъ.

Обѣ эти стихіи, исходя изъ совершенно различныхъ, даже противуположныхъ, историческихъ источниковъ и нравственныхъ мотивовъ, сходятся однако въ одномъ общемъ результатѣ своего дѣйствія на почвѣ нашихъ наукъ — въ *отрицаніи* основныхъ нравствен-

ныхъ началъ, на которыхъ зиждутся всѣ важнѣйшія отрасли государственныхъ знаній. Систематически, преднамѣренно или нѣтъ, но это отрицаніе неизбѣжно для обѣихъ этихъ стихій. Оно неизбѣжно въ особенности въ практическомъ вліяніи революціи и войны на умы и чувства всего современнаго общества, — въ особенности на подростающее поколѣніе.

И революціонныя и завоевательныя страсти, — желающія достигнуть своихъ цѣлей, разрѣшать внутренніе и внѣшніе государственные вопросы посредствомъ *вещественнаго насилія*, посредствомъ *механическаго разрушенія*, — отрицаютъ въ самомъ своемъ существѣ основныя начала права и справедливости; отрицаютъ всѣ *органическіе* законы человѣческой жизни въ обществѣ и государствѣ и постепеннаго историческаго развитія, — начала и законы, положенные въ фундаментѣ всѣхъ нынѣшнихъ государственныхъ наукъ. Понятіе о непрерывности, постепенности *историческаго прогресса*, т. е., всѣхъ успѣховъ человѣческаго развитія, о невозможности внезапно и насильственно создать эти успѣхи, ни даже ихъ ускорить, ни въ государствѣ, ни въ обществѣ, ни въ государственномъ устройствѣ и управленіи, ни въ международныхъ государственныхъ отношеніяхъ, ни въ общественномъ благосостояніи, посредствомъ разрушенія, *ломки историческихъ формъ государственнаго и общественнаго* быта, — это понятіе есть теперь основной догматъ, общій всѣмъ отраслямъ государственныхъ знаній, главное руководящее начало, которое всѣ они одинаково преподаютъ для примѣненія своихъ теорій къ государственной практикѣ.

Вотъ посреди какихъ чрезвычайныхъ историческихъ обстоятельствъ, посреди какихъ непріязненныхъ наукѣ движеній времени приходится теперь новымъ поколѣніямъ выступать изъ школы на поприще гражданской жизни, государственной и общественной дѣятельности! Можно ли не напомнить имъ о значеніи науки, въ критическія минуты ихъ перехода изъ школы къ жизни, отъ науки къ дѣлу, — въ особенности не напомнить объ этомъ тѣмъ, которые преимущественно предназначены къ государственному дѣлу, къ государственной службѣ; можно ли не сказать имъ еще разъ въ такія минуты ихъ разлуки съ школой, передъ ожидающими ихъ соблазнами и искушеніями бурной исторической эпохи, что гдѣ бы и когда бы они ни находились у практическаго дѣла, они нигдѣ и никогда не могутъ *безнаказанно* для себя и для общества разлучиться съ наукой, не могутъ безнаказанно отвернуться въ своемъ умѣ и сердцѣ отъ святыни школы!

Какъ бы ни было сокрушительно для друзей просвѣщенія раз-

витіе стихій революціи и войны, однако изъ самыхъ фактовъ этого развитія, вникая ближе въ ихъ внутренній смыслъ, мы всего легче можемъ узнать значеніе нашихъ наукъ и невозможность безнаказаннаго попранія ихъ вѣчныхъ истинъ.

Революціонныя страсти нашего времени дошли до послѣдней своей крайности, можно думать, до своей послѣдней исторической стадіи, дальше которой некуда идти и откуда возможенъ только обратный ходъ. Отказавшись отъ всякихъ началъ религіи и даже общечеловѣческой нравственности, онѣ *открыто отказываются нынѣ отъ всякой науки*. Въ одномъ революціонномъ катехизисѣ, заключающемъ квинтъэссенцію самыхъ прогрессивныхъ, самыхъ „передовыхъ“ (?) современныхъ революціонныхъ ученій, прямо и буквально заявлено, что „истинный революціонеръ долженъ отказаться отъ всякой науки нынѣшняго міра, предоставивъ ее будущимъ поколѣніямъ. Онъ долженъ знать только одну науку разрушенія. Для этого онъ долженъ только не много познакомиться съ механикой, физикой, химіей и можетъ быть немного съ медициной“, [1]) т. е. усвоить себѣ нѣкоторыя техническія свѣдѣнія о разныхъ истребительныхъ способахъ и веществахъ. Конечно, трудно себѣ представить болѣе глубокое безсмысліе. Конечно, нельзя себѣ вообразить, чтобъ какая бы то ни была человѣческая мысль могла дойти до болѣе крайняго предѣла *самоотрицанія*. Какія-же это отдѣльныя, прикладныя научныя свѣдѣнія, хотя бы даже только для изобрѣтенія истребительныхъ техническихъ приспособленій, если отвергается первый источникъ этихъ свѣдѣній — наука? Но какъ бы ни былъ ужасенъ этотъ умственный хаосъ въ понятіяхъ, нельзя однако не радоваться, когда зло въ человѣческихъ обществахъ достигаетъ подобной послѣдней ступени логическаго абсурда, когда оно доходитъ до подобнаго самоотрицанія или внутренняго противурѣчія. Эту неизбѣжную логическую и историческую послѣдовательность революціонныхъ движеній, разлучившихся съ успѣхами нашихъ наукъ въ нынѣшнемъ столѣтіи и дошедшихъ нынѣ до отрицанія науки въ самомъ ея существѣ, — можно только привѣтствовать какъ добрый признакъ времени, какъ предвѣстіе можетъ быть близкаго кризиса въ недугахъ нашего времени. Тѣмъ лучше для науки, когда порывается всякая связь между нею и разрушительными, болѣзненными, идеями вѣка, когда наконецъ должны исчезнуть всякія недоразумѣнія не-

---

[1]) См. революціонный катехизисъ русскаго эмигранта М. Бакунина, напечатанный въ «Emancipationskampf des vierten Standes, von K. Meyer. Berlin. 1875». II B.

вѣжественной толпы относительно возможности такой противуестественной связи. Но въ то же время, тѣмъ важнѣе для насъ убѣдиться при этомъ, что по собственному признанію враговъ государственнаго и общественнаго порядка, наука представляется имъ самымъ страшнымъ противъ нихъ оружіемъ, и тѣмъ святѣе обязанности всѣхъ служителей этого порядка вооружиться этимъ орудіемъ.

Другая стихія политическаго міра, также враждебная успѣхамъ просвѣщенія, — *завоевательная*, военная стихія, заразившая теперь даже самую промышленную и политически зрѣлую націю новой исторіи, — великобританскую, далеко еще не дошла до такого открытаго и сознательнаго отрицанія науки. Но вооруженный миръ вынуждаетъ европейскія государства сосредоточивать всю свою дѣятельность также на пользованіи наукою только для развитія *истребительныхъ техническихъ приспособленій*, механическихъ и химическихъ всякаго рода, заниматься только тѣми внутренними государственными мѣрами, которыя вызываются поспѣшнымъ собираніемъ финансовыхъ средствъ, нужныхъ на громадные расходы этихъ истребительныхъ приспособленій, и покидать своимъ вниманіемъ всѣ тѣ органическія государственныя преобразованія, для которыхъ необходимы зрѣлыя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ нашихъ наукъ. Такое положеніе можетъ навести глубокое уныніе на учителей и учениковъ этихъ наукъ. И однако, что же мы видимъ? Блистательнѣйшія военныя побѣды одерживаются не вслѣдствіе однихъ только матерьяльныхъ усовершенствованій въ вооруженіи сухопутныхъ войскъ и флота, а преимущественно вслѣдствіе внутренняго государственнаго могущества и гражданскаго благоустройства, созданныхъ государственными людьми, которые были прежде всего вооружены всѣми мирными научными знаніями нашего вѣка. Конечно не однимъ игольчатымъ ружьямъ и пушкамъ Круппа обязана была мирная когда-то Пруссія своимъ торжествомъ надъ воинственнѣйшею державою Европы прежняго времени. Пруссія обязана была этимъ торжествомъ прежде всего и болѣе всего великимъ государственнымъ реформамъ, возродившимъ ее въ началѣ этого столѣтія, и болѣе всего своимъ школамъ и университетамъ, воспитавшимъ въ теченіи полустолѣтія эту массу тружениковъ на всѣхъ поприщахъ государственной службы, и гражданской и военной, эту массу должностныхъ лицъ, и талантливыхъ и неталантливыхъ, но всегда зрѣло, научно образованныхъ, которыми до сихъ поръ гордится Пруссія, и можетъ гордиться несравненно болѣе, чѣмъ всѣми своими артиллерійскими открытіями. Наравнѣ съ нею, эти открытія покупаются на деньги всѣми дру-

гими государствами Европы, даже Турціей; но не такъ легко могутъ быть заимствованы служители государства, воспитанные продолжительною школою и наукой.

Точно также и наше отечество обязано своими недавними славными побѣдами надъ Отоманской Имперіей не одному только совершенству своихъ вооруженій, которыми была снабжена также и Турція, даже не одному только доблестному духу своихъ войскъ, который недоставалъ азіятскимъ войскамъ, но оно обязано также этими побѣдами великимъ государственнымъ преобразованіямъ нынѣшняго царствованія, обновившимъ весь нашъ государственный строй и высоко поднявшимъ духъ и нашей арміи, и всего нашего народа. На совершеніе всѣхъ этихъ преобразованій, которыя навсегда увѣковѣчатъ имя Императора Александра II не только въ русской, но и во всемірной исторіи, пошло не мало научныхъ знаній, накопленныхъ въ теченіи предъидущаго мирнаго періода, въ средѣ дѣйствовавшаго и нынѣ сходящаго съ нашей государственной сцены поколѣнія русскихъ людей.

Но послѣ всего этого, весьма естественно возникаетъ вопросъ: какими-же силами обладаетъ юное поколѣніе, хотя бы и вооруженное наукою, только что выступающее на поприще государственной и общественной жизни, на нисшихъ ступеняхъ государственной службы, чтобы бороться противъ такихъ могущественныхъ золъ, въ такую встревоженную историческую эпоху? Даже въ обыкновенное время, слышится, большею частью, такое первое впечатлѣніе и такое первое разочарованіе молодыхъ людей, переходящихъ изъ школы на государственную службу: они не находятъ въ своихъ занятіяхъ никакого примѣненія преподанныхъ имъ наукъ, въ особенности, никакого приложенія къ дѣлу тѣхъ теорій, которыми они восторгались въ школѣ. Все то, чему они учились, оказывается совсѣмъ непригоднымъ для служебной и жизненной практики. Многіе первые горькіе опыты гражданской жизни, ея суровыя требованія личной отвѣтственности, послѣ мягкой любви и снисхожденій школьной жизни могутъ быть естественны и неизбѣжны, но въ упомянутомъ выше вопросѣ и впечатлѣніи коренится нѣчто болѣе существенное, одно глубокое заблужденіе относительно значенія науки, теоріи, въ административной практикѣ, о которомъ нельзя не сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Какъ бы много ни сдѣлали успѣховъ государственныя и общественныя науки, онѣ не содержатъ въ себѣ никакихъ такихъ ученій, которыя могли бы быть прямо, цѣликомъ перенесены въ законодательство и администрацію; онѣ не даютъ никакихъ инструкцій

и рецептовъ для изданія законовъ и административныхъ распоряженій. Вовсе не въ этомъ заключается первая и самая практическая задача школы и науки въ законодательствѣ и администраціи, во всякой дѣйствительной жизни. Наши науки установляютъ только общія начала, принципы для практическаго дѣйствія, т. е., указываютъ на идеальные или правильные пути, воспитываютъ *идеальныя стремленія* въ подростающемъ поколѣніи. [1]) Безъ этихъ стремленій, безъ этихъ идеаловъ науки нельзя обойтись ни на какихъ ступеняхъ государственной дѣятельности, ни на самыхъ низшихъ, ни на самыхъ высшихъ, а если и можно обойтись, то приходится весьма плохо и для самихъ дѣятелей, и для общества.

Неужели въ самомъ дѣлѣ необходимость идеаловъ науки для государственнаго и административнаго дѣла есть только благозвучная фраза, только приличное украшеніе слога? Неужели въ этихъ звукахъ нѣтъ никакой жизненной, практической, насущной правды?

Говорить о необходимости идеальныхъ задачъ, т. е., далекихъ, конечныхъ, хотя бы и никогда вполнѣ недостижимыхъ цѣлей, *для высшихъ государственныхъ дѣятелей*, кажется совершенно излишне. Безъ этихъ задачъ и цѣлей невозможно нынѣ для самыхъ геніяльныхъ людей не только никакое государственное творчество, но даже просто невозможно распознаться и проложить себѣ ясный, опредѣленный путь посреди сложныхъ и запутанныхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ времени; невозможно овладѣть этими обстоятельствами и господствовать надъ ними, какъ это требуется отъ высшей правительственной мысли. Замѣчаемое часто безсиліе этой мысли въ борьбѣ съ государственнымъ зломъ происходитъ болѣе всего отъ слабости ея научнаго вооруженія; безъ науки, не только нѣтъ ясныхъ и точныхъ, *сознательно принятыхъ* путей для этой борьбы, но нѣтъ даже свѣдѣній о томъ пространствѣ, по которому эти пути должны быть проложены и о препятствіяхъ, которыя на нихъ встрѣчаются. Никакимъ государственнымъ талантомъ, никакимъ инстинктомъ нельзя предугадать этихъ путей и этихъ препятствій. Талантъ и инстинктъ, столь высоко цѣнимые въ государственномъ дѣлѣ, увеличиваютъ только силы государственныхъ людей, уже вооруженныхъ силами науки.

Хотя по словамъ Наполеона I каждый солдатъ долженъ нести

---

[1]) См Mohl, Politik, Tübingen, 1869 II B., Die Bildung der berufsmässigen Verwaltungsbeamten» p. 405. Кромѣ этого труда см. еще слѣдующія сочиненія относящіяся къ затронутымъ нами вопросамъ L. v Stein, Innere Verwaltung. Stuttgart. 1868 (5 часть «Verwaltungslehre») и его-же Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaften. Stuttgart 1876.

въ своемъ ранцѣ маршальскій жезлъ, однако главный нашъ интересъ сосредоточенъ здѣсь на образованіи не фельдмаршаловъ, а только офицеровъ и даже только солдатъ гражданскаго войска. Только воспитаніе этихъ послѣднихъ составляетъ прямую задачу всякой государственной школы. Первые — не болѣе какъ счастливая случайность въ ея историческихъ судьбахъ.

Идеалы науки необходимы на самыхъ лучшихъ и подчиненныхъ ступеняхъ государственной и общественной службы, для самаго простаго и ничтожнаго административнаго дѣла. Только эти идеалы придаютъ смыслъ этому дѣлу, возбуждая въ его исполнителѣ сознаніе того общаго, живаго, цѣлаго, которое объемлетъ всю іерархію государственныхъ инстанцій и агентовъ отъ высшихъ до низшихъ и отъ самыхъ общихъ и великихъ государственныхъ вопросовъ до самыхъ частныхъ и мелкихъ. Безъ науки, безъ ея идеальныхъ задачъ въ государственномъ устройствѣ и управленіи, — задачъ, соединяющихъ въ единый организмъ государства всѣхъ представителей его власти и всѣхъ его исполнителей,—безъ этого, нѣтъ даже понятія объ этомъ цѣломъ, нѣтъ умственнаго интереса ни къ какому служебному дѣлу, ни къ великому, ни къ малому. Отсюда самые практическіе результаты, и для дѣла, и для его исполнителей.

Творчество, самостоятельныя отношенія къ своему матерьялу возможны на самой низшей служебной должности, въ самомъ мелкомъ дѣлѣ: даже въ порядкѣ и системѣ составленія ежедневныхъ реестровъ. Можно на самой подчиненной ступени служебной іерархіи быть хозяиномъ своего дѣла, можно его улучшить, усовершенствовать, также точно какъ можно всякое дѣло, и мелкое и крупное, держать въ застоѣ, ухудшить и испортить. Только наука, только сознаніе идеальныхъ задачъ общаго цѣлаго въ государственномъ строѣ воодушевляетъ къ этому творчеству, къ этому усовершенствованію въ исполненіи всякой служебной обязанности. Только наука объясняетъ связь самой мелкой пружины государственной машины со всѣми самыми верховными функціями государства. Пониманіе этой связи немыслимо безъ высшихъ государственныхъ идеаловъ, *безъ идеи*, связующей всѣ инстанціи и всѣ должности въ одно цѣлое; это пониманіе и побуждаетъ къ усовершенствованію, къ развитію всякой самой мелкой служебной работы. Только наука и просвѣщенныя ею должностныя лица изгоняютъ изъ государственныхъ учрежденій мертвящую бюрократическую рутину, которая столько-же вредна для дѣла, какъ и для характера его исполнителей.

Не менѣе важны для самихъ исполнителей, для ихъ личныхъ

интересовъ, для ихъ характера и духа такія самостоятельныя, сознательныя, научныя отношенія къ своему дѣлу. При этихъ отношеніяхъ каждое самое незначительное должностное лице чувствуетъ себя частицею великаго цѣлаго, великаго отечества; гордится честью своего самаго мелкаго дѣла, быть его самостоятельнымъ хозяиномъ; оно удовлетворяется интересомъ этой самодѣятельности и этого творчества на самомъ скромномъ поприщѣ государственной службы. Отсюда неисчислимыя плодотворныя послѣдствія въ практической, дѣйствительной жизни каждаго должностнаго лица; мы можемъ указать только на крупнѣйшія изъ этихъ послѣдствій. Чувство самостоятельнаго распоряженія своимъ дѣломъ придаетъ его исполнителю ту нравственную внутреннюю независимость характера, которая можетъ быть сохранена на самой низкой ступени служебной іерархіи и которая наилучшимъ образомъ соединяется съ самою строгою служебною дисциплиною. Эта нравственная независимость всякаго служебнаго положенія, это сознаніе своего долга передъ государствомъ и умственный интересъ къ его исполненію вознаграждаютъ за всякія случайныя невзгоды такъ называемой карьеры, оберегаютъ отъ быстрыхъ передвиженій по служебной лѣстницѣ, отъ погони за мѣстами, которая также гибельна для государственной службы, какъ и для нравственнаго характера служащихъ.

Наконецъ школьная наука, какъ бы она ни была недостаточна, побуждаетъ *продолжать учиться.* Въ этомъ едва ли не первая ея заслуга. Наука безконечна и каждый, самый геніальный человѣкъ учится до послѣдняго дня своей жизни. Если школѣ, подготовляющей людей къ служебнымъ обязанностямъ, удалось внушить хотя бъ только это одно побужденіе — продолжать учиться, и всегда учиться — то она уже сдѣлала очень много. Замѣчательнѣйшіе государственные люди, на высшихъ государственныхъ должностяхъ, никогда не перестаютъ изучать окружающія ихъ условія государственной жизни, не перестаютъ учиться. Поэтому только они и обладаютъ этимъ могуществомъ учить и поучать другихъ. Первую искру къ этой любознательности, къ просвѣщенію себя и другихъ, бросаетъ въ ихъ душу школьная наука, школьный учитель.

Всѣ высказанныя нами мысли о значеніи наукъ для образованія государственныхъ лицъ были безъ сомнѣнія присущи Благословенному Основателю Имп. Александровскаго (Царскосельскаго) Лицея. Въ Выс. утвержд. постановленіи объ учрежденіи Лицея 12 августа 1810 г. было сказано, что онъ долженъ „готовить молодыхъ людей къ важнымъ частямъ государственнаго управле-

нія". [1]) Не намъ судить, въ какой степени нашъ Лицей исполнилъ эту высокую задачу своего учрежденія, указанную царственнымъ почитателемъ государственныхъ наукъ, просвѣщеннѣйшимъ Монархомъ не только Россіи, но и всей Европы того времени.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіи трехъ царствованій, многіе и многіе воспитанники Лицея стояли и дѣйствовали на всѣхъ поприщахъ государственной и общественной службы, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ нисшихъ ея ступеней. Многіе изъ нихъ были усердными исполнителями великихъ государственныхъ реформъ нынѣшняго царствованія. Каждое поколѣніе, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, исполняя свой вѣрноподданническій долгъ, оставаясь вѣрнымъ возвышеннымъ предначертаніямъ Основателя Лицея, его благороднымъ и просвѣщеннымъ преданіямъ, должно было въ своей службѣ отечеству преодолѣвать затрудненія, замѣшательства своего времени; каждое должно было бороться „со злобою своихъ дней".

И нынѣшнее поколѣніе, выступающее на государственное поприще, имѣетъ передъ собою такую-же злобу, надъ которою оно призвано будетъ трудиться.

Объ этой злобѣ, объ этихъ исключительныхъ „историческихъ обстоятельствахъ нашего времени", мы упомянули въ самомъ началѣ. Они между прочимъ указаны и Августѣйшимъ Попечителемъ Имп. Александровскаго Лицея. Эти замѣчательныя указанія мы позволимъ себѣ здѣсь привести.

Объясняя въ своей запискѣ (меморандумѣ), сообщенной ареопагу дипломатовъ и знаменитѣйшихъ государственныхъ людей Европы, собиравшихся въ прошедшемъ году въ Берлинѣ, чувствительнѣйшіе политическіе недуги нашего времени, опустошенія, производимыя истребительными стихіями революціи и войны, Е. И. В. Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій сказалъ между прочимъ слѣдующія незабвенныя слова: „..... не одними штыками должно бороться противъ идей (революціонныхъ). Если мечъ правосудія можетъ карать преступниковъ, то онъ не можетъ искоренить зародышей преступныхъ идей". И въ другомъ мѣстѣ: „.... вооруженный миръ есть бѣдствіе для всѣхъ правительствъ, потому что онъ лишаетъ ихъ средствъ облегчать положеніе народа и заботиться обо всѣхъ необходимыхъ улучшеніяхъ во внутренней администраціи".

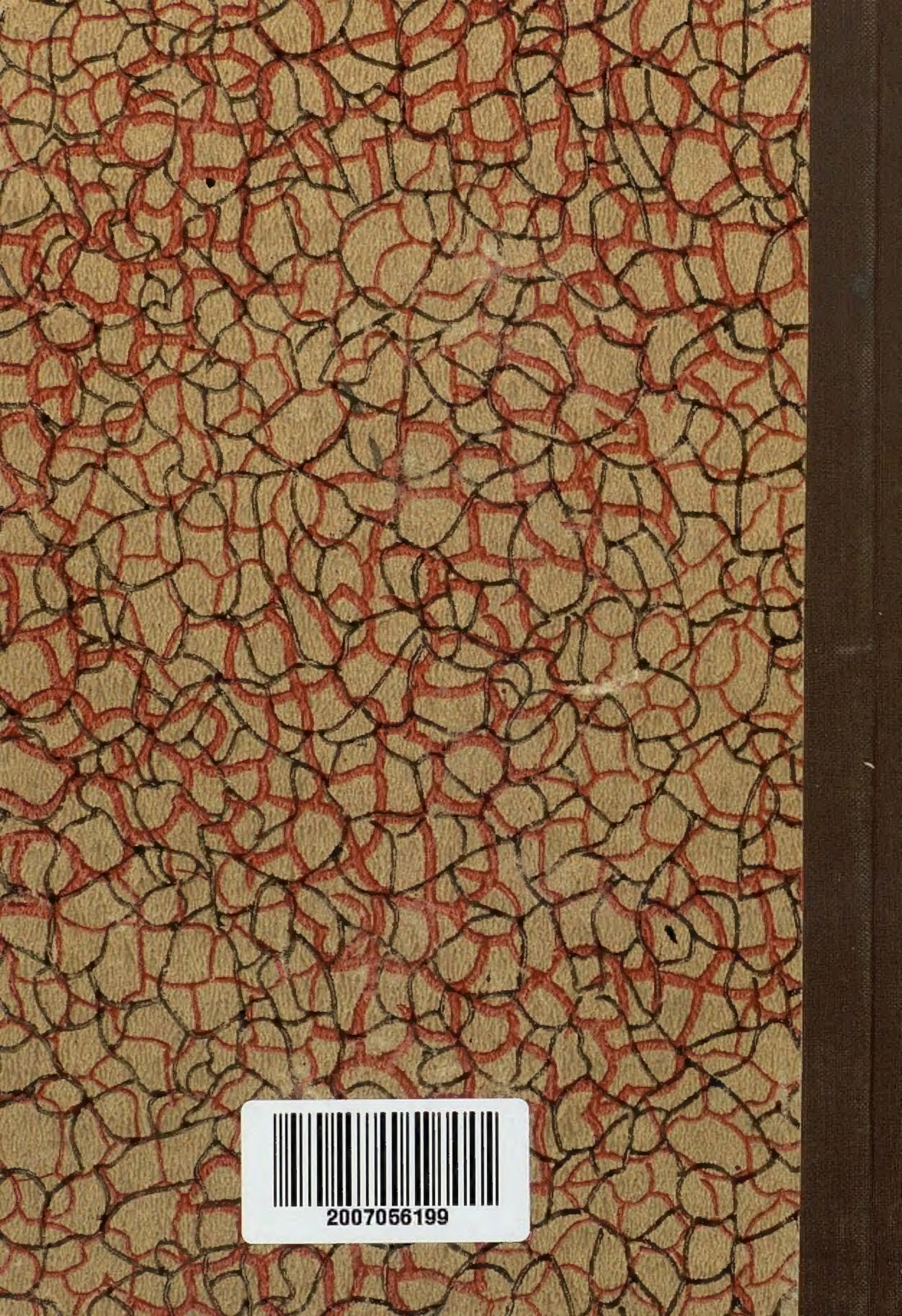
[1]) См. записку нашу, поданную нѣсколько лѣтъ тому назадъ о преобразованіи Лицея въ высшую государственную школу, или въ факультетъ государственныхъ наукъ, согласно со всѣми требованіями ихъ современной системы.

Отдѣльно отпечатано изъ Тома VII Сборника Государственныхъ Знаній».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Іюня 1879 г.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп. (Вас. Остр., 8 л., д. № 45).

2007056199